

№ 1492

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ

СУББОТА 27 ФЕВРАЛЯ 1960

● SAMEDI 27 FEVRIER 1960

■ TREIZIEME ANNEE

Prix : 0,60 NF (60 Frs)

РУССКАЯ МИСЛЬ

Горький о Чехове

В СОВЕТСКОМ Союзе, в связи с чеховским юбилеем, мы встречаем у многих авторов ссылки на Горьковские высказывания о Чехове.

Известно, как много дал молодому Горькому Чехов и не удивительно поэтому, что Горький до конца жизни сохранил к нему самое глубокое отношение, как к писателю и человеку.

Советские литературоведы хотят представить иногда Чехова предшественником эры социалистического реализма.

Г. Бялый и Г. Макогоненко, в юбилейной статье «Пути, проложенные Чеховым», утверждают:

— «Чеховский этап реализма стоял уже в преддверии искусства будущего, начиналась эра социалистического реализма. Рядом с Чеховым работал Горький. Недаром именно он до конца понял новаторский характер чеховского реализма и увидел ту широкую перспективу, которую открывало искусство Чехова».

Не будем спорить с указанными авторами по поводу их понимания «искусства будущего» и «эры социалистического реализма» — этот разговор завел бы нас в дебри современной схоластики, так как вопрос о социалистическом реализме сейчас все более и более запутывается, превращаясь в своего рода схоластику.

Горький, в своем восприятии Чехова, был еще свободен от всякой предвзятости — поэтому, если даже он и не был всегда прав в своем понимании Чеховского творчества, не видел в нем многого, обращал внимание главным образом только на со-

звучное ему, все-таки он сказал о Чехове много верного.

Нужно помнить, что в исторической перспективе высказывания Горького о Чехове значительны уже тем, что в то время большинство тогдашних авторитетных критиков, как Михайловский, Скабичевский, Буренин, Богданович и др. объявили Чехова «безидейным», «даром пропадающим талантом», «рассказчиком пустяков».

И в советское время, в первые годы революции, когда Чехова были готовы объявить, вместе со всеми прежними писателями, ненужным, «вчерашним днем», Горький сумел объяснить молодому поколению значение творчества Чехова и необходимость учиться у него.

Обратимся к сборнику материалов «М. Горький и А. Чехов; переписка, статьи и высказывания», Москва 1951 год, издание расширенное и дополненное новыми материалами.

Переписка Горького с Чеховым, начатая Горьким (первое письмо относится к октябрю или началу ноября 1898 года, первое письмо Чехова к Горькому от 16 ноября 1898 г.) продолжалась до смерти Чехова.

Редактор популярного в то время журнала «Журнал для всех» В. С. Миролубов находился тогда в Ялте и Горький ему написал:

— «Говорят, в Ялте Чехов. Если вы знаете и видите его — поклонитесь ему от меня. Высоко чту его талант».

Миролубов говорил с Чеховым о Горьком и затем написал Горькому

о том, что Чехов хотел бы иметь его книги.

Горький вскоре ответил Миролубову: — «Послал Чехову книжки и объяснения в любви».

В этом первом своем письме к Чехову Горький говорит:

— «В. С. Миролубов сообщил мне, что вы выразили желание получить мои книжки. Посылаю их и, пользуясь случаем, хочу что-то написать вам, Антон Павлович. Собственно говоря — я хотел бы объяснить вам в искренней горячей любви, кою безответно питаю к вам со времен молодых ногтей моих, я хотел бы выразить мой восторг перед удивительным талантом вашим, тоскливым и за душу хватающим, трагическим и нежным, всегда таким красивым, тонким... Дай Бог вам во славу русской литературы, дай Боже вам здоровья и терпения — бодрости духа дай вам Боже! Сколько дивных минут прожил я над вашими книгами, сколько раз плакал над ними и злился, как волк в капкане, и грустно смеялся подолгу».

В этом письме Горький несколько не преувеличивает своего восторженного отношения к творчеству Чехова.

Существует много данных о его любви к Чехову с ранних лет.

Держась в стороне от других писателей старшего поколения, не завязав личных отношений даже с Короленко, который ввел его в литературу (— «Он [Короленко] очень многое сделал для меня, многое указал, многому научил») молодой Горький в своих отношениях с Чеховым проявил к нему исключительное теплое чувство, не только как к писателю, но и к человеку.

Личное их знакомство состоялось весной 1899 года в Ялте.

С своей стороны Чехов отметил молодого писателя:

— Талант несомненный и при том

настоящий большой талант». (Письмо от 3 декабря 1898 г.).

— «В своем письме вы упоминаете о Горьком, вот кстати: как нравится вам Горький? Мне не все нравится, что он пишет, но есть вещи, которые очень, очень нравятся, и для меня не подлежит сомнению, что Горький сделан из того теста, из которого делаются художники. Он настоящий. Человек он хороший, умный, думающий и вдумчивый, но в нем много ненужного груза, например, его провинциализм». (Письмо к В. А. Поссе, 11 января 1900 г.).

— Горький очень талантлив и очень симпатичен, как человек». (Письмо Ф. Д. Батюшкову от 24 января 1900 г.).

Чехов принимал далеко не все из написанного Горьким в то время, давал ему советы, указывал ряд недостатков, провинциализмов и безвкусиц, от которых нужно отделяться, не раз делал свои замечания по поводу оценки Горьким его собственных произведений.

— «У вас слишком много определений... понятно, когда я пишу: «Человек сел на траву...» Наоборот, неудобопонятно, если я пишу: «Высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжеватой бородкой сел на зеленую, еще не измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко пугливо оглядываясь...» Или: — «... Частое уподобление человеку (антропоморфизм), когда море дышит, небо глядит, степь нежится, природа шепчет, говорит, грустит и т. п. — такие уподобления делают описания несколько однотонными, иногда слащавыми, иногда неясными; красочность и выразительность в описании природы достигаются только простотой, такими простыми фразами, как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь» и т. д.» (От 3 янв. 1899 г.).

Человечески же он проявляет к молодому писателю дружеское и за-

ботливое отношение, интересуется его личной жизнью, здоровьем и дает советы не только литературного, но и жизненного порядка.

Вместе с Короленко, Чехов не задумался отказаться от звания почетного академика, когда власть не утвердила выборов Горького — для него, державшегося в стороне от политики, этот отказ явился не столько гражданской демонстрацией, сколько откликом на обиду, нанесенную Горькому.

— «Гордо реет буреветник, черной молнии подобный» — трудно представить себе что-нибудь более пошлое и безвкусное, чем такой «Буреветник» (стихотворение в прозе, с убогим ритмом), но это было роковое произведение, как роковым оказался и сам Алексей Максимович Пешков (Горький) — воплощение дешевого романтизма революции», — говорит Борис Зайцев в своей книге «Чехов».

— «Чехову он, конечно, не нравился, не мог нравиться. Но вот все-таки Горький с ним познакомился, стал кадить ему, держался как преданный верный ученик. Все это действует, конечно. Да Горький был и очень даровит. Из середины выделялся. Много видел, много пережил, не лишен был черт душевности, даже сентиментальности. В некотором смысле Чехову было с ним интересно».

И. А. Бунин, близко знавший Чехова с конца 1895 года, в своей неоконченной книге, вышедшей после его смерти под названием «Бунин о Чехове», весьма резко отзывается о воспоминаниях Горького о Чехове: — «Все фальшиво! Не хватило у меня сил дочитать. И. Б.».

Бунин цитирует также очень отрицательный отзыв Чехова о писаниях Горького, сделанный Чеховым во время его пребывания на Урале в имении Морозова в разговоре с Серебровым (Тихоновым), но похоже на то, что больной Чехов (у не-

го ушилились тогда кровотечения из горла) в тот момент находился в состоянии раздражения и поэтому говорил зло обо всех.

Горький, конечно, по-своему понимал Чехова и оценивал его творчество, выделяя то, что особенно говорило ему, но в общем, надо отдать ему справедливость, видел острее и глубже многих тогдашних критиков и читателей.

Важно и то, что именно Горький разъяснил пореволюционным поколениям в Советской России творчество Чехова и указал на ряд технических приемов и других вопросов, относящихся к делу писателя.

Неудивительно поэтому, что все изучающие Чехова в Советской России в той или иной мере, в виде отправного пункта, исходят из статей и отзывов Горького о Чехове.

Сам ненавидя «мещанство» во всех его проявлениях, Горький с особым вниманием останавливался на этой стороне творчества Чехова.

— «Огромное вы делаете дело вашими маленькими рассказиками — возбуждая в людях отвращение к этой сонной, полумертвой жизни».

С своей стороны, Чехов тоже видел в Горьком борца против мещанства:

— «Заслуга Горького не в том, что он понравился, а в том, что он первый в России и вообще в свете заговорил с презрением и отвращением о мещанстве, и заговорил именно как раз в то время, когда общество было подготовлено к протесту».

Горький хотел видеть в Чехове провозвестника новой эры, разрушителя старого:

— «Читал «Даму» вашу. Знаете, что вы делаете? Убиваете реализм. И убьете вы его скоро — насмерть, надолго. Эта форма отжила свое время — факт! Дальше вас — никто не может идти по сей стезе, никто

не может писать так просто о таких простых вещах, как вы это умеете. После самого незначительного вашего рассказа — все кажется грубым, написанным не пером, а точно поленом. И — главное — все кажется пустым, т. е. неправдивым».

Горького постоянно возмущало несправедливое и предвзятое отношение к творчеству Чехова некоторыми тогдашними критиками, например, Михайловского и Скабичевского, называвших Чехова «писателем, который с холодной кровью пописывает», обвинявших его в безидейности и в духовной опустошенности.

Он обрушивается также и на тех читателей, на ту публику, «которая недостаточно внимательно читает ваши рассказы и, воздавая должное их внешности, мало понимает их сердце и голос».

— «Страшная сила его таланта», — пишет Горький в журнале «Жизнь» по поводу рассказа Чехова «В овраге» — именно в том, что он никогда не выдумывает от себя, не изображает того, «чего нет на свете», но что **быть может**, и хорошо может быть, и желательно.

«Он никогда не прикрашивает людей, и те, кто его не любят, — такие, впрочем, совсем уже вымирают, — не любят его именно за это, хотя и объясняют свою неприязнь иначе...»

«Еще со времени «Скучной истории» начали говорить о Чехове: — Да, конечно, это талант крупный, но... и, подражая Сент-Беву, старались превратить похвалу в гнездо ос. А Чехов слушал — впрочем, вероятнее, не слушал — и писал. В самом начале трудной литературной карьеры Чехова, один из наших критиков, наиболее бездарный и тем отличающийся от других, менее бездарных, пророчил о нем как о человеке, который сохнет и умрет под забором*).

*) Скабичевский.

Критик этот жив до сего дня и... я не хотел бы быть на его месте, если он не забывает того, что пишет. Критик этот умрет, и тогда о нем вспомнят, немножко попишут о нем и снова забудут его.

А когда умрет Чехов — умрет один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, друг, любящий ее, сострадающий ей во всем, и Россия вся дрогнет от горя и долго не забудет его, долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям, освещенным грустной улыбкой любящего сердца, по его рассказам, пропитанным глубоким знанием жизни, мудрым беспристрастием и состраданием к людям, не жалостью, а состраданием к много и чуткого человека, который все понимает.

«Человек, который все понимает, очень несчастный человек, у него непременно должна быть та болезненная трещина в сердце, о которой говорит Гейне.

Он, этот человек, видит перед собой жизнь такой, какова она есть — отдельные жизни, как нити, а все вместе — как огромный, страшно спутанный клубок. Этот клубок болтается где-то в пространстве и весь трепещет от силы противоположных стремлений и страстей. Одну и ту же нитку тянет в разные стороны».

До конца жизни Горький остается верен Чехову и уже в советское время постоянно советует молодым писателям учиться у Чехова, наряду с классиками.

— Вы должны учиться, не щадя себя, учиться всему, что есть лучшего в мире, всякой технике и, конечно, технике словесного творчества».

«Этому научиться не так трудно, потому что у вас есть великолепные образцы: Гоголь, Лев Толстой, Лесков, Чехов, Пришвин и немало других отличнейших знатоков русского языка, строя русской речи».

(Из письма Горького Б. Полевому от 10 января 1928 г.).

Горький так определяет Чеховский метод в беседе с молодыми писателями:

— «У Чехова есть нечто большее, чем мирозозрание, — он овладел своим представлением жизни и таким образом стал выше ее.

«Он освещает ее скуку, ее нелепости, ее стремления, весь ее хаос с высшей точки зрения. И хотя эта точка зрения неуловима, не поддается определению — быть может, потому, что высока, — но она всегда чувствовалась в его рассказах».

Горький долго не соглашался написать свои воспоминания о Чехове.

В архиве Горького сохранилась неопубликованная запись 1928 года, которая впервые напечатана в сборнике материалов «М. Горький и А. Чехов» 1951 г.

Вот текст этой записи:

— «Мне предложили: «Напишите о Чехове-человеке».

— «Нет, не могу, мне это не подходит».

«Для меня Чехов прежде всего писатель, а писатель — это человек с минусом или с плюсом. Ан. П. был человек с плюсом. Был, остался таким и все растет в моих глазах».

«Не знаю мерки, которой определяется талантливость и величие писателя, но думаю, что Ч. несом(ненно) должен быть поставлен в ряд великих наших писателей».

Претензии некоторых советских авторов, что «особое место в мемуарной литературе о Чехове занимают воспоминания о нем Горького» и что именно со статей Горького началось правильное понимание творчества Чехова, конечно, слишком претенциозны, но нельзя отказать и Горькому в верности и справедливости многих его оценок.

Ю. Терапиано